

Тамара Анатольевна БУЛЕВИЧ родилась в Казахстане, в казачьей станице Пресногорьковке. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Работала в казахстанских СМИ: в молодежной республиканской газете «Ленинская смена» (г. Алма-Ата), в областной партийной газете «Ленинский путь» (г. Кустанай). В Красноярске живет с 1977 года. Ее стихи и проза многократно печатались на страницах российских и международных литературно-художественных журналов, альманахов, коллективных сборников. Лауреат многих литературных конкурсов и премий, среди которых две золотых медали имени Константина Симонова Международной ассоциации писателей баталистов-маринистов (2007) за книги «Фрося-Ефросинья» и «Тропой любви» (2012), «Золотой Пегас» Хорватской Академии российской литературы и искусства за книгу «Плач рябины» (2014), Золотая медаль Лейпцигской книжной ярмарки и Международной гильдии писателей за роман «Горячие тени» и диплом «Уникум» за книгу «Плач рябины». Член Творческого клуба «Московский Парнас» (2007), Академии российской литературы, Международного союза писателей «Новый современник» (2008), Союза писателей России (2009). На стихи Тамары Булевич написаны романсы и песни ряда красноярских композиторов. Автор книг и повестей «Моя планета» (2005); «Медвежий угол», «Фрося-Ефросинья» (2007), «Тропой любви», «Плач рябины» (2012), «Исцеление любовью» (2013); детских рассказов «Дети-деточки» (2013), «Подари мне медвежаток»; рассказы для дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, роман «Горячие тени» (2014).

ВОВКИНО ГОРЕ

Рассказ

В Ивановке, заброшенной деревеньке на сто дворов, селяне жили бедно, но дружно, как в далёкие добрые времена. Завидовать некому и нечему: каждый кормился по своим силам и умению тайгой, рекой да подворьем. Беда, и та

была на всех одна: неудержимое, беспросветное пьянство. С вечера взрослое население до одури ублажалось доступным зельем из огородного сырья, а поутру, по новому веянию, шли в церковь грехи замаливать. До обеда каялись, замаливали. Потом, перекусив что бог послал, принимались за неотложные, бесконечные «надо» ради прокорма семьи и подворья. В сумерках, только бабы подоют коров, садились за длинный скоблённый стол ужинать. И пошла-поехала новая гульба-разгульная. Бал правил самогон...

Так-то жили ещё приличные хозяева. Большинство же мужиков любимому занятию, как приятной повинности, отдавали себя без остатка времени на домашние дела. Настоящей работы, за которую деньги платят, — никакой. Колхоз разворовали крутые ребята. Оставалась одна ферма. Её мужики по очереди охраняли. Да не устерегли. Сгорела ферма-кормилица вместе с колхозными коровами и народившимися телятами. То ли те же вражьи дети по злобе спалили, то ли дед Кузьма со своей вечной самокруткой где-то искру сронил.

Что вокруг фермы творилось — страшно вспомнить. Коровий и бабий рёв всю ночь разрывал в клочья ивановские сердца и души. Животину всякую жалко, а ту особенно: породистая, голландская. Миллионы за неё колхозниками плачено. Зато и молока было залейся, и мяса — ешь не хочу.

Бабы неделю воем выли. Как не выть-то?! Жаркие, непобедимые языки пламени слизали в одночасье семейный достаток селян.

До обрушения крыши успели-таки с десяток-другой молодняка выгнать. Из спасённых телят маленькая пятнистая коровка досталось и сироте Машеньке Кукушкиной. Так сход решил. Два года назад её молодые родители Клавдия и Владимир, работающие на подвозе сена, погибли под тяжёлым трактором «кировцем», слетевшим с дороги по непогоде в глубокий кювет.

Жила теперь скромная красавица Машенька одна-одинешенька у самой околицы. После восьми классов учиться дальше стало не на что. И поселковый совет временно определил её подменной дояркой, чтобы руки набивала, на завтрашний день силёнок набиралась, коих хватало бы на дойку десяти коров.

Девушка относилась к обязанностям рьяно, ответственно. После короткой по малолетству смены домой не спешила. Допоздна возилась с приплодом, который с любовью называла «пятнашками». Усердно кормила шустрых телят, не по разу меняла им в клетях быстро мокнущую соломенную подстилку. А в ту ужасную ночь сильно убивалась по задохнувшимся в дыму питомцам.

Даже в огонь бросалась, слыша их отчаянный зов о помощи. Два мужика за руки удерживали Машу, а не то бы и ей погибели не миновать.

Оставшись не у дел и с детства переняв от матери швейное мастерство, Маша стала честно зарабатывать себе на пропитание шитьём. Ловко это у неё получалось. Обшивала и ребятишек, и взрослых. Огонёк в доме у околицы светился далеко за полночь. Была и радость душе — подрастающая Бурёнка. Умудрилась сама стог душистого клевера для неё накосить. Основной Бурёнкин прокорм на зиму помогли добыть селяне. У заботливой хозяйки тёлочка росла здоровой, ухоженной. Позже Маша и кур завела с горластым петухом, чтобы по утрам будил на выгон Бурёнки в табун.

Не избалованный благами властей всех времён ивановский народ шибко тосковал по настоящей работе. В одночасье порушили Ивановку до основания. Заново отстраивать её никто не собирался. Председатель поссовета Таисия Тимофеевна Самгина, бывая у районного начальства, требовала сжалиться над умирающим селом, найти ему наконец доброго хозяина. Но нынешние гонористые олигархи объезжали неказистую, небогатую деревеньку стороной. Либо, приехав, и часу здесь не задерживались.

Однажды погожим летним днём село мигом облетела весть. Какой-то господин в соломенной шляпе и при здоровенном чёрном «Лэнд крузере», напомнимшем некоторым старожилам печально известного «воронка», остановился у прежней колхозной конторы. Вроде хочет колхоз возродить. Народ от мала до велика обступил его. Затихли, рты раскрыли, когда заговорил. Обрадовались: о людях радеет. Работа — она каждого уважаемым человеком делает. Самгина, после его толково высказанных народу задумок, даже в ноги ему поклонилась:

— Давайте, господин Трахов, действуйте. Всем миром поможем. Пить бросим. Пупки, как бывало раньше, надорвём, но Ивановку опять в люди выведем.

Тот умно хмурил брови, поддакивал. Наобещал перемен — выше конторской крыши. Потом неожиданно предложил:

— У кого есть ваучерные залежные земли? Я готов выкупить их для нового колхоза. Не стану торговаться. Не поспею. Смело называйте цену. Конечно, в разумных пределах, — без конца вскидывая чёрные вразлёт, густящие брови, тряс перед владельцами частной земли тугими пачками денег. С зелёным отливом. Да ивановцам до них ли?! Они давно позабыли, какие теперь в ходу деньги-то. А Трахов при разговоре успевал откровенно, до неприличности, разглядывать Машеньку Кукушкину. От таких поглядов неловко де-

лалось каждой стыдливой деревенской душе. Девушка не знала, куда глаза отвести. Лицо скромницы то заливалось лунным светом, то зарей вспыхивало. Наконец Маша такого позора не выдержала и убежала домой. Господин олигарх подозвал и представил своего юриста:

— Куплю-продажу земель чин-чином оформи. И сейчас же.

Тот без промедления приступил к исполнению прямых обязанностей, достав из кейса готовые бланки договоров и прочих бумаг. Пока хозяин строил планы о чудном преобразовании Ивановки, он успешно завершил сделки. В них, ради нового колхоза, поручителем Трахова выступил поселковый совет. Таисия Тимофеевна и печать в договорах поставила. Только нужной суммы для расчёта у покупателя не оказалось: закончилась рублевая наличность.

— Вот мой залог, — и вновь предъявил народу объёмистый сверток с пачками валюты в банковской обёртке. — Прошу поссовет принять его, пока на днях полностью со всеми не рассчитаюсь.

Председатель, долго не разглядывая, положила залоговые доллары вместе с гербовой печатью в переносной сейф.

Селянам такой жест хозяина показался убедительным. Они громко захлопали, как им показалось, порядочному, честному человеку.

— Кто сомневается, можем завтра утром встретиться у главы районной администрации, — предложил Трахов и на прощание пожал каждому присутствующему на сходке ивановцу руку.

— Да где там! На какие шиши им ехать-то? Зарплату который год в руках не держали, — сокрушалась радетьельница о селянах Таисия Тимофеевна.

Багряный закат весело и беззаботно раскачивался на богатой кроне крутобоких, раскидистых берёз околицы, когда огромный «Лэнд круизер» вплотную прижался к покосившимся воротам Маши Кукушкиной.

И когда ранним утром бабы выгоняли коров в табун, стоял там же. А уж домой возвращались жутковатой машины не обнаружилось. Тогда многим показалось, что Ивановка как-то сразу посветлела. Больно уж чёрный он, круизер-то... С ним исчезла и любимица Машенька. Заперла дом на замок, и всё тут.

Вечером Бурёнку встречала ближайшая соседка и подруга её матери Клавдии Прасковья Никитична Соломина. Всю жизнь прожила она напротив дома Кукушкиных и в большом почёте, коим в русских сёлах испокон одаривали умелых бабушек-повитух.

— Чо, небось, увёз хозяин нашу Машеньку в барские хоромы? Повезло ей, ай, повезло, — словно сговорившись, пытали Проню об одном и том же нетерпячие, любопытные бабы, сердечно радуясь за сироту.

Новый светлый день и другие последующие дни не принесли селу добрых новостей.

Прошли недели, месяц минул, но господин Трахов не объявлялся. Пропал бесследно. Первыми забеспокоились не состоявшиеся землевладельцы: «Не мошенник ли?!» Собрались в поссовете.

Федор Тулупкин, по жизни язвенник, не преминул подлить масла в огонь жадноватому Петру Давыдову:

— Ну, влип ты, батенька, в историю! Лопухнулся! Плакали твои дармовые гектары да сотки. Не жил богато, и чо в гору попёр-то?!

Простоватый и доверчивый Прохор Сухов принялся защищать Трахова:

— Мало ли чего с человеком стряслось! А не знавши, уж клянёте в хвост-гриву. Плохой бы человек не стал нашему брату подмогу делать. Знамо, на свой страх и риск колхоз сызнова создавать. А этот, вишь, задумал, решился.

За время ожидания заблудшего где-то хозяина сошедшая на нет с лица Самгина от их речей всё громче ёрзала в кресле.

— Что бы, хоть одному из вас, продавцов-то, в круизер попроситься. Наутро в районе и прояснилось бы, кто он есть таков. Так нет! Пьёте-попиваете! Никак, окаянные, не напьётесь.

Решено было разузнать о месте нахождения Трахова, для чего его поручительница Таисия Тимофеевна отправилась в районную администрацию. Вернувшись к вечеру, она вновь обнадёжила.

— Приезжал наш богатей к самому главе. В тот же день ваши договора по закону оформили. Теперь Трахов — собственник купленных земель. Начальство заверил, мол, как вернётся с Кипра, тотчас приедет к нам для расчёта. Сказывают, очень спешил он за границу-то. Там жена сына ему родила. Первенца. А они, сыновья-то, на самом деле, отцам — счастье и гордость несказанные.

— Какая жена?! Какой первенец?! Тогда... где же Маша?— захлебнулись вопросами ивановцы.

И Самгина о том же переживала. Раньше-то у Машенькиной матери лучшей подругой считалась. Но о девушке ничего узнать не удалось. Никто в райцентре их вместе, либо её одну, не видел.

...Маша Кукушкина вернулась в село перед самыми родами. Совсем другая, вроде вовсе и не она. От прежней красавицы половины не осталось. Разве что куда-то далеко провалившиеся глаза светили теми же необыкновенно бархатистыми, васильковыми огоньками. Но селяне сразу заметили: не в себе она, не в себе... Помогали чем могли. Замученная, истерзанная, до дна злодейски испитая, Кукушкина молчала, боясь смотреть на них. Из дома не выходила, а с кем случайно через забор взглядом пересечётся, тому вежливо кланялась и быстро пряталась в сенцах. Общались с больной Марией только Таисия Самгина да Проня.

Так уж повелось у ивановцев, что, как прилипнет к человеку имя либо прозвище с детства, так и тянется за ним до погоста. Прасковью Никитичну иначе никто и не называл: Проня и Проня. Только школьная детвора и подворная мелкота, с помощью Прониных рук на белый свет без единой родовой травмы выскользнувшая, ласково величала её бабушкой. Она и Машеньку на свои руки приняла. Тяжелые были роды у подруженьки. Долго дитя спасала, чуть живую вытащила. Потом Клавдию едва выходила.

А Машенькин первенец сам торопливо в мир выскочил, прямо на повитухин белый фартук. Крепенький, хорошенький. Отчего-то долго плакал, словно на кого-то жалуясь бабушке, которая с того дня стала жить у Кукушкиных. В свой дом уходила на час-другой, чтобы с коровой управиться да печи протопить. Апрель то оттепелями баловал, то нешуточные морозы засылал. Внимательно, день за днём присматривалась она к Марии, но той, вроде, после родов хуже не стало. Хотя и здоровья не добавилось. Лицо оставалось болезненно бледным, не улыбочивым. Лишь когда кормила и пеленала сына, делалась необыкновенно радостной и счастливой.

— Видела бы Клавдия доченьку с младенцем... Вот что материнство с бабами совершает, — частенько говорила Машеньке в такие минуты Прасковья, смахивая быструю слезу. Учила молодую маму разным проверенным хитрушкам да мелочам, чтобы малыш рос здоровым да смекалистым.

Вовке исполнилось три месяца, и председатель поссовета принародно написала малышу свидетельство: Владимир Семёнович Кукушкин. Маша попросила дать сыну имя своего отца, а отчество деда. Крёстной матерью определили Проню, крёстным отцом — Прохора Сухова, который торжественно держал кроху на жилистых рабочих руках.

— Высказать не могу, как рад Вовке! Первый сынок-крестник объявился. Стало быть, не совсем уж падшим грешником у Господа числюсь. Благодарю

за честь и обещаю стать ему, Машенькиной кровинке, настоящим, добрым отцом.

— И вправду, малой Вовка — роса к росинке, её копия, только с писуном. В остальном — один к одному похож. И личиком, и тельцем. Солидный народился малыш. Наш, ивановский, — подтвердила Проня, а слово её, что печать Самгиной, топором не вырубись.

Рядом стоящая с мужем бездетная Нюся уже не преминула хлестнуть Прохора худой ладонью по затылку.

— Я те покажу, старый дурак! Ишь, чего захотел... отцом настоящим... Маша-то тебе, черту лысому, во внучки годится. Ну кобелина, ну стервец!..

— Да успокойся ты! — грубо оборвала Нюсю Самгина. — Место и время понимать надо. Прохор младенца-ангелочка на руках держит, а у тебя дурь на уме. Вот же бабьё! Все одной думкой живёте. Да наша Машенька не из тех... чтоб чужими мужиками тешиться. Запомните слова мои! И мужики, и бабы! Не то со мною сквитаетесь. Худого с Кукушкиными не дозволю! Не дам в обиду, поняли, оглашенные?!

Ивановцы давно знали: с Таисией шутки плохи. В гневе — зверь баба. От рычащего голоса председателя мухи по углам забивались. Мужа и того не щадила, если, бывало, чем-то провинится перед ней. Бедный, прятался по соседям до той поры, пока сама не разыщет. Но такое у Самгиных случалось редко, и селяне плохого не помнили. Ценили своего председателя за радение, справедливость, способность драться до победного конца за каждого, кто попадал в беду.

Мужики первыми поддержали Самгину, тоже приструнив ревнивицу Нюсю. А Таисия Тимофеевна, справившись с собой, достала из сейфа две бутылки шампанского с коробкой конфет в красивой целлофановой обертке, подаренные районным начальством к 8 Марта.

— Расти, Вовка, богатырским мужиком да будь нам сыном желанным, — прослезилась с комком в горле Таисия Тимофеевна, — вот бы мать с отцом порадовались... Теперь, Машенька, зря времени не теряй. Берись-ка вновь за своё ремесло, матерью тебе наречённое. Совсем мы обносились. Покупать-то обнови не на что. Времена не те.

Так и вошел в большое ивановское семейство желанным сыном Вовка Кукушкин. Владимир Семёнович, внук уважаемых Кукушкиных, а не какого-то там Трахова сын, папаша которого разбередил ивановцам мечтами душу и сунул залогом за купленную землю валютную «куклу».

Договорились они, чтоб и духу его тут не было.

Мария вновь села за швейную машинку. Головы не поднимала. За неделю ворох новых вещей нашивала: рубах, штанов да юбок с кофтами.

Ошалелое время пролетало незамеченным. Вот и её сынишке исполнилось четыре годика, но по виду все пять дашь. Рослый малыш, ласковый и смысленный, сам находил себе занятия. Любил рисовать самолеты.

— Бабуля, а куда папка мой уехал? — Прасковья Никитична вовсе не ожидала такого услышать. Маша в это время доила Бурёнку.

— Дак это... где-то с фашистами воюет. Нескоро повидаться вам придётся, сынок.

— А ты мне, бабуля, нарисуй его. И самолёт тоже.

— Смогу ли? — не на шутку испугалась Вовкиного задания престарелая крёстная мать, после окончания начальной школы в тридцатых годах не державшая карандаша.

— Сможешь, сможешь. Я помогу. В моей книжке видел и самолёт, и папку. Распластавшись по чисто выскобленным половицам, они вдвоём принялись создавать задуманный рисунок. За этим усердным художеством и застала их Маша.

— Чего на полу-то катаетесь? Стола мало? — нарочито строго спросила она.

— Мапочка! Мы папку в самолёте рисуем. На войне он. Фашистов... тыр-тыр-тыр... из пулемёта бьёт.

Маша от неожиданно прозвучавшей, но давно мучавшей её темы, растерялась.

— Вот оно что... на войне, значит...

И опять весь вечер сосредоточенно обшивала малых и взрослых селян.

— Тебе с малолетства не привыкать работать-то. Но ты, дева, и об малом не забывай. Вишь, глазёнки с мамки не сводит. Только и зыркает. Поласкайся и ты с ним. Завтра, чай, Вовкин день рождения. Устрой парнишке праздник, сама передохни малость. По селу прогуляйтесь. К Таисии Тимофеевне не забудьте заглянуть да к Прохору. Люба ты им. И дитя твоё в радость людям пришлось. Не раз слышала: «Наш Вовка! Наш Вовка!» Вот и покажи, как он подрос, бутуз краснощекий.

Прасковья Никитична сильно привязалась к мальчонке и опять принялась целовать любимого крестника, «ненаглядного кукушонка», давно прописавшегося в её пожизненном одиночестве дорогим человечком.

Поутру Маша нарядила сына, сама приоделась, причесалась. Красавица. Но глаза по-прежнему оставались грустными-грустными. Оба нарядные, пригожие вскоре уж здоровались с ивановцами на подворьях. Тётя Тая подарила имениннику голубой самолёт с красными звездами на крыльях.

— Кем станешь, когда в школе выучишься? — спросила она у любимца, глядя белобрысые завитушки.

— Лётчиком. Всех вас над тайгой прокачу.

Маша заметно заволновалась: «Только бы про «доблестного» папашу чего не нафантазировал!»

А сын уже бойко читал Самгиной детский стих: «Идёт бычок качается, вздыхает на ходу...».

Обрадовались их приходу и крёстный Прохор с Нюсей. За стол усадили, накормили пирогами. Вовке к чаю подали припасённые три шоколадные конфеты «Мишка на севере».

Вернулись Кукушкины домой к ужину. Да не одни. С Прохором, который сзади на тележке вёз в их дом непонятный груз. Вовка светился от счастья, хвастаясь бабуле самолётом и конфетами.

Прохор тем временем начал собирать смастерённую из мореной листовки для Вовки широкую кровать. Снизу кровати приладил плетёную решетку в резной рамке. Для игрушек. В угол поставил небольшой комод для одежды. Но очень уж обрадовался крестник аккуратно сбитому из строганных досок ящичку с крышкой. Чего там только не было! И маленький молоточек, и брезентовая сумка с гвоздями, и старая пилка с ручкой. Да премного других, крайне нужных смекалистому мальчугану «взрослых игрушек».

— Хватит, сынок, с бабулей на печи нежиться, — наставлял Прохор. — Один спи. Мужик уж какой, ёлы-палы! Четыре года! Это тебе не баран чихнул. Пора собственным хозяйством обзаводиться. К ящичку-то особенно баб своих не допускай. Больно ценные в нём для мужижкой жизни штуки хранятся. Вмиг растащат. Опосля ищи-свищи. А тебе, ёлы-палы, надо за домом смотреть. Где чего приколотить, либо спилить понадобится. Так действуй, сынок, не зевай.

Малыш вытянулся перед Прохором в струнку и преданно смотрел на своего понятливого и щедрого крёстного.

— Смело прибегай ко мне, Вовка, коль, чем помочь потребуется. Большой уж. Мало ли забот у взрослого ребёнка... Смастерить, к примеру, табуретки надумаешь, либо скамеечку матери под корову садиться. Две головы, оно за всегда лучше.

Давно Прасковья Никитична заметила, что Маша не притрагивается к сыну с ласками да поцелуями. Не моет его. Всё бабуля за неё восполняет, ежедневно купая и беспрестанно тиская крестника в объятьях. Вот и сейчас не удержалась. Но тот привычно стёр рукавом с пухлых щёк её поцелуи.

— Ну, что ты, бабуля! Слышала от крёстного: я большой. Стыдно мне с бабами чмокаться.

— Дак это... я за себя и за мамку. Она-то не жалуется нежностями, разве словами. Сто раз говорено: мальчонке ласки нужны, а всё отмалчивается, знай, жмёт педаль швейки. Понезжить ребёнка недосуг. Сидит белым-белёхонька, будто с креста снятая, за спину от усталости хватается, да губы кусает.

Через неделю Мария совсем разболелась.

— Надо ли тебе, дочка, дённо-ночно хлестаться с шитьём-то! Всех денег не загребёшь. Об малом подумай, понянькайся с ним. А то вовсе сына не касаешься. Хотя, вижу, души не чаешь. Скоро он от наших женских приставушек сам отворотится. Парнишка ведь. Захочешь помиловаться, да не дастся. Мария после её упрёков в голос разревелась.

— Чо ты, дочка, Господь с тобой! Хотела на добро, любя, наставить, а ты вона...из-за ничего растрогалась.

— Нет, тётя Проня...О другом плачу...Давно надо повиниться перед тобой, душу излить. Не чужая мне...

Прасковья Никитична подошла к ней и, прижавшись к худенькому Машенькиному телу, дотронулась губами до пылающего лба.

— Нет-нет!.. — та испуганно отстранилась. — Не прикасайся! Я грязная...

— Чего удумала-то, красавица? За четыре года, чай, родной дочкой стала. Какая ещё «грязная»?! Опомнись. Девичий грех твой давно селом прощён. Я и вовсе не судья.

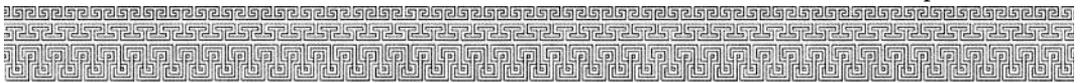
— Умираю я, тётя Проня... умираю.

— Не дури, дева! В твои-то годы?! Ну, уж нет! Чахотка? Или по-женски? Давай, посмотрю. Скольким бабам помогла да по сей день помогаю, будь они во веки веков здоровы. И тебя выхожу. Пойдём, милая, в мой дом. На кресле с лупой гляну.

— Поздно, тётя Проня, поздно... Нутро из меня истекло уж. Заразная я. Недолго терпеть осталось, — и, рыдая, упала перед ней на колени.

— Вовочку моего...сынка ненаглядного... не бросай. При тебе он, как при родной матери...В сиротский дом не отдавай, заклинаю и Христом Богом прошу. Коль объявится... по случайности, ему — ни за что!

Вовка насторожился и подошёл к матери.

— А ты, сынок, во всём слушайся крёстную маму, помогай по дому. Живите здесь, в нашем... Долго и дружно. С твоей помощью, тётя Проня, стен родных вырастит мой сынок честным да добрым.

— Маша, детка, чего говоришь-то?! Обязательно поправишься. Из любой беды вызволю, лишь сама того захоти. Выжить-то... Сын ведь у тебя — совсем малой, — запрочитала теперь и Прасковья.

Маша подошла к материному комоду, выдвинула ящики.

— Они полны Вовочкиной одежды на разные годы. Кое-что и в старших классах пригодится. А в льняном мешочке... на дне — деньги. От деда Вовы с бабой Клавой, от меня... Не бедствуйте, — и в изнеможении упала на кровать.

Прасковья Никитична онемела от свалившегося на седую голову горя. Сидела под божничкой, потерянная, пунцовая и тёрла зарёванные глаза.

Немного успокоившись, Маша начала исповедоваться о своей жизни у Трахова, бандитского главаря.

— Три месяца держал на третьем этаже загородного коттеджа. Под запорами, а ключи в своём кармане хранил. Говорил, «шибко клёвая, красивая, чтоб в лесу дремучем вольной оставаться». Охранники только в туалет выпускали. Еду в комнату приносили. Им главный злодей тоже не доверял. А когда узнал, что ношу его ребёнка, озверел от ярости и в тот же день бандитам, псам бешеным, бросил на растерзание. Кто-то из них и опаскудил...

— Что ли, соседей поблизости никого не видала, криком-то на помощь призвать?

— Какие соседи?! Лес вокруг, а в комнате той, где жила, — ни одного окна. Лишь в потолке поблескивало цветное оконце. До него и высокому мужику не допрыгнуть.

Прасковья Никитична под села к Маше и тёплой рукой гладила ей холодные ноги, понимая, сколько бедняжке пережить пришлось и почему она своего первенца никогда на руки не брала, не целовала, лишь нежно, трогательно и любовно разговаривала с ним. Заразить боялась.

— Сама сбежала-то от извергов, ни дна им, ни крыши?

— Обманула. Сказала, схватки начались. Кричала, умоляла отвезти в больницу. Сначала не обращали никакого внимания, потом поговорили с хозяином, после накинули на голову мешок и повезли к шоссе. Дальше ничего не помнила. Видно, ударили по голове и бросили на обочине. Подобрал меня, сказали, какой-то пожилой мужчина, привёз в больницу. Очнулась на боль-

ничной койке. Начали лечить сотрясение мозга. Тогда-то и объявили мне срамной приговор... Лучше бы бандиты убили...

— Да опомнись, Маша! Малыш-то смотри какой! — не сдержавшись, перебила Проня. — Прости, милая... Продолжай, продолжай!

— Врачи хотели перевезти в диспансер, но я ночью сбежала. Хорошо, документы сохранились в белье. Показала водителю автобуса свою прописку. Удалось уговорить его довезти без денег до райцентра. В Ивановку на попутке добиралась.

— Машенька, детка, я постараюсь вылечить...

— Нет-нет, тётя Проня, не позволю, чтобы ты свои чистые, святые руки об меня пачкала. Да и чувствую, вот-вот конец мукам моим.

— Почему ж ты тогда, при родах, не открылась? Вылечила бы, обязательно вылечила... Не заразила ли мальчонку?

— Плохо знала тебя, боялась, ославишь... Мне-то одна дорога... на погост, а сыночку с вами жить. Теперь уверена — сохранишь мою тайну. И напоследок, тётя Проня... Сними хоть один грех с моей души. У края могилы прошу. Свои Вовочку в район к врачам. Пусть хорошенько посмотрят, проверят, анализы сделают. Сошлись на причину, что с плохими, мол, приезжими людьми общался. Сама для верности докторам покажись. Денег ни на что не жалея. Купи лекарства, если пропишут. Я же с нетерпением, страхом и надеждой постараюсь дождаться вас... Теперь ты, тётя Проня, и есть Вовочкина мать. Не жилица я, нет, не жилица...

Всю неделю, показавшуюся Марии вечностью, пробыли Прасковья Никитична с Вовочкой в райцентре. Пока врачам показали, дождалась анализов.

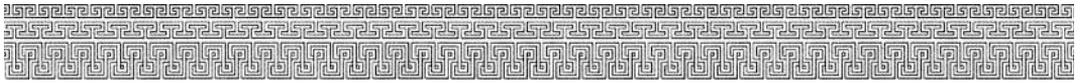
Сказали, крепыш. Совершенно здоров. Бог, значит, уберёт. И меня тоже.

— А ты, тётя Проня, не жалеешь? Ничего не скрываешь? — допытывалась несказанно обрадованная Маша, целуя через глаженный платок пухлые ручонки ненаглядного сынули. Но едва уже говорила затухающим голосом. Без слёз. Все до капельки выплакала.

— Клянусь, детка, Богом и светлой памятью Клавдии. Ни пятнышка на нашем ангелочке. Чист. Таким и дальше растить станем. А ты, дева, за соломинку держись, но живи, слышишь, живи!

... Мария лежала молодая, спокойная, красивая. У передней стены горницы стояли венок от селян и несколько вёдер тополиных веток с набухшими почками. Во всём доме занавешены зеркала, полно народу.

Проня рыдала над Машенькой молча, чтобы побережь малыша, и без того настрадавшегося за последние дни.

Вовка ходил вокруг матери с красными глазами, которые неистово тёр кулачками. Без конца перекладывал на белом саване искусственные розочки. А то вновь принимался причитать со всхлипами осипшим голоском:

— Не уходи от меня, мамочка... Я маленький... Как жить стану... Я боюсь... Бабы не выдерживали, начинали воем выть, а мужики выскакивали на улицу.

— Хватит плакать, сынок, хватит. Твоей маме и так тяжело с тобой расставаться...

Проня взяла мальчика на руки и сбрызнула с ладони святой водой не в меру покрасневшее личико. Вовка затих, прижавшись к её груди. Потом ещё долго качала его у гроба и отнесла, уснувшего, в спальню. «Спи, сынок. Не по твоим силёнкам видеть похороны матери».

На следующий день Вовка и Прасковья Никитична пришли на кладбище с миской блинов да двумя вкрутую сваренными яйцами.

В берёзовой роще громко гомонили птицы. Малыш растерянно смотрел на вздыбившийся перед ним невероятной высоты холм.

— Моя мама будет здесь жить... под землёй?! Всегда?! — испуганно, в отчаянии спросил он и принялся быстро-быстро рвать повсюду растущие подснежники, торопливо втыкая их в могилу матери между комьями сырой земли.

— Я больше не хочу летать лётчиком. Лучше стану лечить мам. Всех-всех... Чтобы мамы и ты, бабуля, никогда-никогда не умирали.

Он расстегнул куртку, задрал рубашонку. Достав из-за пояса свой любимый

самолёт, воткнул повыше, насколько смог дотянуться...

Прасковья Никитична подошла к малышу и крепко стиснула испачканную глиной, дрожащую ручонку в своей руке.

Вовка доверчиво и взросло посмотрел на неё. Умные Вовкины глазёнки говорили ей, что никого роднее у него теперь нет.

— Верь мне, сынок. Я сделаю всё... Ты обязательно выучишься на врача.

г. Красноярск, 2012 г.

